

Юлия Рыкунина
Глазами «толстовца».
А. М. Хирьяков и его воспоминания

Имя литератора А. М. Хирьякова обычно соседствует с именами Л. Н. Толстого¹ и Н. С. Лескова². Известен он и как постоянный сотрудник варшавских эмигрантских изданий «Меч» и «За свободу!» в 1920—30-е годы³.

Круг его литературных знакомств был достаточно широк: в частности, он включал в себя супругов Мережковских. В дневнике «Серое с красным» З. Н. Гиппиус пишет: «О Хирьяковых ничего не знаю»; «Через несколько дней тот же Меньшиков сунул вырезку из паршивой газеты какой-то, где говорится о смерти Димы [Д. В. Философова — Ю. Р.], но, через несколько дней после него, о смерти старика Хирьякова. Мало того: там же я узнала, что жена его, та самая Джессика (Вебер), которая годы писала мне одна о Диме и его состоянии, — покончила с собой... еще в октябре! Вроде Чеботаревской, но ведь у нее была дочь, Леночка, — где она?»⁴

© Julia Rykunina, 2011

<http://www.utoronto.ca/tsq>

Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность А. Л. Соболеву, Петру Мицнеру и Д. И. Зубареву.

¹ См., например: У Толстого 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого — ЛН, т. 90 (по указателю); Булгаков В. Ф., «Л. Н. Толстой в последний год его жизни», М., 1960, с. 168, 300, 333; Мейлах Б. С., Уход и смерть Льва Толстого, М.—Л., 1960, с. 31—32; см. также Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений: в 90 томах. М., 1928—1958 (по указателю).

² Самая полная на сегодняшний день публикация о Хирьякове: Романенко А. Д., вступит. ст. к главе «Лесков и семья А. М. и Е. Д. Хирьяковых» в кн.: ЛН, т. 101, с. 399—461.

³ См., например: Богомоллов Н. А. Из истории варшавской газеты «За свободу!» // Богомоллов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. — М., 2004. С. 233, 246—248.

Это эпизодическое упоминание не говорит о близком знакомстве Гиппиус с Хирьяковыми, к тому же в эмиграции порой общались друг с другом те, чьи пути в России могли вовсе не пересечься.

Однако в фонде Хирьяковых в РГАЛИ находим записку без даты (осторожно отнесем ее к тому же периоду, к которому относится и публикуемый фрагмент воспоминаний Хирьякова, — к середине 1890-х, периоду интенсивного общения его с петербургскими литераторами):

«Александр Модестович!

В Петербурге оттепель и зеленая скука. Ни оттепели, ни скуки избежать нельзя. Соберитесь с мужеством и в субботу, 18-го, приходите скучать к нам. На людях и смерть красна, говорят. Я не очень верю, чтобы на людях скука была весела, особенно петербургская, однако все-таки приходите, утешьте «теплым» словом погибающих супругов

Мережковских»⁵

Записка свидетельствует о том, что Хирьяков, по крайней мере, был частым гостем Мережковских. Как развивались их отношения в 1900—1910-е годы? Сведениями об этом мы не распо-

⁴ Серое с красным (Дневник. 1940—1941) // Гиппиус З. Н. Собрание сочинений. Т. 9. Дневники 1919—1941. Из публицистики 1907—1917 гг. Воспоминания современников. — М.: Русская книга, 2005. С. 270. Запись сделана 2 сентября 1940-го; в примечании, однако, указана дата смерти Хирьякова — 1942. Эта же ошибка повторяется во многих изданиях, однако, благодаря сохранившемуся надгробию, мы установили дату смерти точно — это 16 августа 1940-го года. Неверно указано в примечании и имя жены Хирьякова — ее звали Евгения Семеновна Вебер — в эмиграции печаталась под своим именем и под псевдонимами Андрей Луганов, А. Палицын, В. Евгеньев; закончила с собой после взятия Варшавы немцами. Публиковалась в газетах «За свободу!», «Молва» и «Меч» под собственным именем, криптонимом Е. В. и псевдонимами: Андрей Луганов, А. Палицын, В. Евгеньев. О Вебер-Хирьяковой см.: Равдин Б., Флейшман Л., Абызов Ю. Русская печать в Риге. Кн. III. Стэнфорд, 1997 (по указателю); Малмстад Дж. По поводу Ходасевича: Добавления, примечания и поправки — НЛО, 1995, № 14, с. 135; Богомолов Н. А. Об одной литературно-политической полемике 1927 года. — В кн.: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века: Портреты, проблемы, разыскания. Томск, 1999 (по указателю). Письма Е. Вебер к З. Гиппиус, по-видимому, находятся в частном архиве Т. Пахмусс в Иллинойсе.

⁵ РГАЛИ. Ф. 536. Ед. хр. 24. Оп. 1. Л. 1.

лагаем. Почти нет у нас и свидетельств об отношении Мережковских к Хирьякову. Зато есть свидетельство обратное — взгляд писателя, далекого от литературного модернизма, — на его ярчайших представителей. Такой взгляд, отчасти демонстрирующий эффект «остранения», представлен, в частности, в прилагаемой мемуарной заметке.

Александр Модестович Хирьяков родился 31-го июля (13-го августа по новому стилю) 1863-го года в Пермской губернии в семье горного инженера Модеста Николаевича Хирьякова, служившего управляющим на чугунно-литейном заводе, и Амалии Ивановны Иосса. О детских годах Хирьяков вспоминал: «Порядок жизни был как у помещиков средней руки. Роскоши не было, но довольство полное»⁶. В 1874 — 1881 гг. учился в 1-ой Санкт-Петербургской Военной гимназии — в эмиграции вспоминал о ней с благодарностью, несмотря на некоторые «теневые стороны». В последнем классе гимназии принял участие в похоронах Ф. М. Достоевского — впечатление, произведенное ими, позже называл одним из самых сильных.

Первая попытка писать была сделана в 12 лет — повесть «Студенты» дальше пяти-шести страниц не продвинулась. В гимназические годы увлекался Гете, пробовал переводить вторую часть «Фауста». Вскоре почувствовал потребность «передавать собственные чувства и мысли в стихотворной форме»; по собственному признанию, в стихах не мог освободиться от приподнятого тона. Не пожелав продолжать образование в военном училище, в 1883-м году он поступает в Лесной институт (после провала на экзамене в Горный). С осени 1887-го (после отбывания воинской повинности в Гельсингфорсе) служит в собственной его величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Служба не обременяла, но «тяготила своей бессмысленностью»⁷ В 1884-м женился на Евфросинии Дмитриевне Косменко (1859 — 1938)⁸

⁶ А. М. Хирьяков . «Из далекого прошлого» — «Руль», 1926, 15 августа.

⁷ А. Хирьяков. «Страницы из воспоминаний» — «За свободу!», 1929, 9 октября.

⁸ Е. Д. Хирьякова принимала участие в революционной деятельности; оставила «Воспоминания и некоторые сведения о Дмитриии Андреевиче Лизогубе» — «Звенья», Вып. 1, 1932, с. 482—499). В 1898—1899 гг. по предложению

Начало литературной карьеры было достаточно традиционно: посылал стихи (одобренные Я. К. Гротом) в «Ниву», но ответа не получил. В 1887-м году принес А. Н. Плещееву в редакцию «Северного вестника» три стихотворения, из которых тот отобрал одно, попросив дописать к нему начальное четверостишие; так появилась первая публикация — «Бушевала ночью непогода злая» («Северный вестник», № 8). В следующем году в «Русском богатстве» опубликовал стихотворение «Пораженный стрелой» — квинтэссенцию поэтических веяний эпохи: «Утомленный борьбой / С беспощадной судьбой, / Я сложил изнемогшие руки...» («Русское богатство», № 11).

Однако появление стихов в печати, «хотя и доставляло удовольствие», не будило сознания, «что я писатель... Жизнь шла своим чередом, а стихи являлись чем-то случайным, неожиданным»⁹. В конце 1887-го он стал посещать редакцию «Посредника» — в организованных при книжном складе мастерских обучался ремеслам, приобщаясь таким образом к кругу толстовцев. В 1889-ом в поисках «осмысленной деятельности» Хирьяков с женой уехал в Оренбургскую губернию, где занялся сельским хозяйством. «И вот, придя с возами сена в город, я зашел в городскую читальню и, просматривая журналы, увидел под одним из рассказов незнакомую мне подпись И. Потапенко. Читаю и чувствую несомненный талант автора. Беру другой журнал и нахожу повесть в стихах Д. Мережковского «Вера»¹⁰. Читаю, наслаждаюсь, а некоторые строфы вызывают прямо восторг. Возвращаюсь

нию Л. Н. Толстого дважды сопровождала духовоборов в Канаду. В 1935-ом обращалась за персональной пенсией как участница революционного движения; за нее ходатайствовала О. Э. Розенфельд (писательница, известная под псевдонимом О. Миртов), которая писала, что Е. Д. тяжело больная, почти лишившаяся зрения и слуха, не привыкшая просить за себя, живет в крайней нищете. Одним из немногих, кто помогал ей, был В. Д. Бонч-Бруевич. См. о ней: А. Бруштейн. «Вечерние огни», М., 1963, с. 135., В. Микулич, «Тени прошлого», Спб., 1914, с. 162; «У Толстого 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого», кн. 3 — ЛН, Т. 90, с. 213).

⁹ Фидлер Ф. Ф. Первые литературные шаги. Автобиографии современных русских писателей. — М., 1911. С. 239.

¹⁰ Повесть в стихах Д. С. Мережковского «Вера» была впервые опубликована в журнале «Русская мысль» в 1890-ом, № 3—4. Интересно, что именно в ней содержалась полемика с толстовством: «Но если дел искать, не грез, — увидишь сразу // В непрогивленье злу пустую фразу.» (так думает один из главных героев повести, Сергей Забелин).

обратно к своему хозяйству и чувствую, что все это хозяйство со всеми его удачами и разочарованиями для меня совершенно ничтожно по сравнению с появлением на литературном горизонте талантливого автора или даже нескольких ярких строф, красивых образов, метких сравнений»¹¹

Этот поворотный момент в биографии Хирьякова позже нашел отражение в отчасти автобиографической повести «Мы пахали», вошедшей в книгу «Украденное счастье» (М., 1920), — итоговый сборник его прозы доэмигрантского периода. Там у одного из героев, решившихся посвятить себя сельскому хозяйству, на чисто пропадает интерес к физическому труду и копанию в земле: «Душа просит красоты, простота и трудная жизнь — это еще не все». Второй герой остается в деревне; за хлопотами он не замечает начавшегося голода, а когда узнает об этом, решает открыть благотворительную столовую. Теме крестьянства и интеллигенции и трагическому непониманию между ними будет посвящен и рассказ «Бестолочь», вошедший в ту же книгу. Здесь слышится уже более явное сомнение в народнических идеалах — нотки интеллигентской саморефлексии и мрачных ожиданий, столь характерных для рубежа веков и начала XX-го века: «Между ним и голодающим человеком торчит стена, какая ужасная пропасть, кто может перекинуть через нее мост! Мы ли придем к ним делиться нашим знанием и довольством, или, обезумев от нужды и мрака, они сами ворвутся к нам и своей хаотической силой разметут по ветру и все, чем мы дорожили, и нас самих?»

Вернувшись в Петербург, Хирьяков стал искать литературных занятий. Тогда же подвергся первому аресту — за то, что, находясь в Оренбургской губернии, не явился на учебные сборы. Вскоре после освобождения он уезжает на хутор Ржевск, к В. Г. Черткову (туда звал его «добрый приятель» И. И. Горбунов-Посадов), где работает в редакции «Посредника» — отбирает подходящие для издания произведения. В 1890-м Чертков предложил вновь уехавшему в Петербург Хирьякову должность агента редакции изданий «Посредника»: работа заключалась в контактах с авторами, хождении в цензуру, покупке книг и т. д. Таким образом у Хирьякова завязываются знакомства в литературной среде: он бывает в салоне А. А. Давыдовой¹², устраивает

¹¹ Там же.

«понеделники» в своей квартире. Вместе с П. А. Гайдебуровым¹³ был учредителем «обедов писателей», которые по их замыслу должны были стать «межгазетным органом» и «выдвигать в печать» актуальные общественные вопросы (см. «Отрывки из воспоминаний. Обеды писателей» — «За свободу!», 1929, 19 декабря).

Хирьяков в это время становится одним из инициаторов и составителей сборника в пользу переселенцев «Путь-дорога» (СПб, 1893), в котором приняли участие Толстой, А. П. Чехов, Н. С. Лесков, Мережковский, З. Н. Гиппиус, Д. Н. Мамин-Сибиряк, Я. П. Полонский и др. Вероятно, именно тогда, отбирая и собирая для сборника рассказы, стихи и статьи он познакомился с Мережковскими (З. Н. Гиппиус дала для сборника рассказ «Легенда нашего времени»; вошел под названием «Легенда» в книгу рассказов «Новые люди», 1896) и именно тогда завязываются дружеские отношения с Лесковым. Приведем отрывок из воспоминаний Хирьякова, который позволяет оценить как литературно-журнальную ситуацию эпохи, так и позицию А. М. — начинающего литератора: «Я считал, что существуют два направления: консервативное, которое надо презирать и либеральное, которое следует уважать. И в том, и в другом направлениях, разумеется, были разные оттенки, но оттенки эти были уже не так существенны. (...) Я знал, что нельзя звать в сборник кого-нибудь из «Московских Ведомостей», приглашать Буренина из «Нового Времени», но, например, журнал «Северный Вестник», тот журнал, в котором появилось мое первое стихотворение, я не мог не считать журналом либеральным, хотя редакция его теперь была уже другая. На этом основании я обратился к редактировавшему этот журнал Акиму Львовичу Флексеру (Волынскому¹⁴) с просьбой о статье для сборника «Путь-Дорога». Флексер обещал дать ста-

¹² Давыдова Александра Аркадьевна (1848—1902) — секретарь редакции журнала «Северный вестник», хозяйка литературного салона, впоследствии основательница и издательница журнала «Мир Божий».

¹³ Гайдебуров Павел Александрович (1841—1894) — публицист, с 1876 года редактор-издатель газеты «Неделя».

¹⁴ Аким Львович Волынский (настоящие имя и фамилия Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926) начал печататься в «Северном вестнике» с 1889-го года. Журнал тогда находился в руках группы пайщиков; благодаря Л. Я. Гуревич, одной из главных пайщиц, Волынский вскоре становится ведущим критиком и идеологом журнала; именно при нем издание стало основным печатным органом ранних символистов.

тью. И вот вышло как то так, что я довольно долго не видался с Кривенко¹⁵, а в этот промежуток времени до него дошли слухи, что Флексер будет участвовать в сборнике.

Когда я пришел к Кривенко, он сразу на меня набросился и сказал, что это страшно может повредить сборнику, что некоторые из участников сборника хотят взять свои статьи обратно, не желая, чтобы их фамилии стояли рядом с фамилией человека, так резко отмежевавшегося от прогрессивного лагеря и позволившего себе недопустимые выпады против Чернышевского в то время, когда по цензурным условиям единомышленники Чернышевского не могут ему как следует ответить¹⁶.

Я почувствовал, что попал в весьма затруднительное положение. Настаивать на участии Воынского в сборнике было рискованно; можно было лишиться большинства сотрудников. Заявить Воынскому, что его статья не нужна, — значит оскорбить человека, которого сам пригласил участвовать в сборнике. Как быть?

После долгого размышления я решил, что прежде всего мне нужен успех сборника. Я успокоил Кривенко, сказав ему, что статьи Воынского не будет. Сам же я решил, что если Воынский даст статью, то я откровенно объясню ему положение вещей и скажу, что для успеха сборника необходимо, чтобы он в нем не участвовал.

Не знаю, как бы отнесся Воынский к такому моему заявлению. Вероятно, поднял бы ужаснейший скандал. Но, на мое счастье, он не успел прислать статьи к назначенному сроку и все обошлось благополучно¹⁷.

Итоговым сборником Хирьякова этого периода стали «Легенды любви» (Спб., 1898), возможно, написанные под влиянием

¹⁵ Кривенко Сергей Николаевич (1847—1906) — публицист-народник, член артели литераторов, издававших журнал «Русское богатство»; в 1897—1901 гг издавал газету «Сын Отечества». В начале 1890-х Кривенко редактировал «общественные» разделы в журнале «Северный вестник»; ушел из журнала, когда Л. Я. Гуревич привлекла к сотрудничеству Вл. С. Соловьева.

¹⁶ В 1890—1895 гг А. Л. Воынский опубликовал в «Северном вестнике» цикл статей о русских критиках, где резко отрицательно оценил деятельность Чернышевского, Добролюбова, Писарева. Статьи вошли в книгу «Русские критики» (1896).

¹⁷ А. Хирьяков. Отрывки из воспоминаний. «Путь-Дорога». Литературные встречи. — «За свободу!», 1 ноября, 1929.

«Легенд из Пролога» Лескова. Рассказы в поэтической форме иллюстрировали евангельские истины; условно-сказочный национальный колорит должен был подчеркнуть универсальность христианского учения для всех народов, а также то, что зачатки евангельской этики содержатся в различных религиях. В легендах отразился и интерес Хирьякова к буддизму (ср. написанный во время Русско-японской войны позднейший очерк «Во что веруют японцы» — М., 1906, — адресованный тем, кого «не удовлетворяет огульное порицание врага»).

С 1896-го по 1900-ый Хирьяков по приглашению Кривенко редактировал газету «Сын Отечества»; тогда же, на рубеже веков, начинается его бурная газетно-журнальная деятельность. Он был сотрудником газеты «Свободное слово» (Лондон), газет «Русская жизнь», «Час», «Надежда», «Сын Отечества». Печатался в ведущих изданиях: «Мир Божий», «Вестник Европы», «Русское богатство» и др. (всего более чем в 20 газетах и журналах).

В начале 1900-х Хирьяков — постоянный автор газеты «Новости»; помещал там (в основном под псевдонимом А. Сакмаров) статьи на различные темы, рецензии (в т.ч. театральные), рассказы, фельетоны, очерки. Его публицистика этого периода выдержана в духе христианского гуманизма, пацифизма и просветительства: так, в связи с англо-бурской войной он высказывал предложение о частичном разоружении («По совести», 1901, 14—30 ноября), критиковал В. В. Розанова за «восхваление войны» в статье «Арифметика великой эпопеи» — «Игра ума» — 1902, 28 мая; большое внимание уделял реформе среднего образования; писал о смертной казни, отношении к заключенным, церковном обскурантизме (см., например, «Угашение духа» — 1900, 6 декабря). Здесь же поместил цикл сатирических заметок, написанных от лица обывателя, — «Отрывки из дневника статского советника Наума Петушкова» (17 окт. — 23 ноября, 1901). В 1905-м был избран представителем газеты «Новости» в Союз защиты свободы печати.

Своей деятельностью в основанной и редактируемой им же газете «Голос» Хирьяков был недоволен — считал ее дух уступкой времени (сам хотел издавать газету «религиозную»). Того же мнения был и Лев Толстой:

«Видели вы газету Хирьякова? — спросил Л. Н. — такая либеральная, не отличается от других, тон озлобленный.

<...> Думал, будет примиряющей обе стороны, а в ней повальное осуждение правительства. А это плохо.»¹⁸

Когда газета, по выражению Хирьякова, «отцвела», он передал фактические права на нее М. А. Меркулову, — однако как формальный редактор был привлечен к суду и приговорен в 1909-м году к году крепости.

Не менее важен в его биографии другой арест — в 1906-м году, за пацифистское стихотворение «Мирная Марсельеза», в котором были такие строки:

Весеннее солнце сияет,
Ждет пахаря поле давно.
Оружье из рук выпадает
И падает в землю зерно.

Стихотворение стало гимном канадских духоборов и было опубликовано без указания автора в журнале «Перевал», 1907, № 7, в очерке А. Щербака¹⁹. Вот что рассказывает Хирьяков об этом эпизоде:

«Хотя среди военных у меня имеются и близкие родственники и друзья, но отношение мое к войне и военному делу с годами становилось все более и более отрицательным. Под влиянием этого отношения мною как-то была написана «Мирная Марсельеза» — песня крайне антимилитаристского характера. Песня эта имела неожиданный для меня успех. Она очень понравилась духоборам, и теперь это одна из их любимых песен, для которой они придумали весьма своеобразный мотив, и они распевают ее и в Канаде и на Кавказе. За границей она появилась в переводе на нескольких иностранных языках. Один знакомый музыкант написал для нее новую музыку и попросил моего разрешения издать. Я, разумеется, охотно согласился. Было изготовлено клише с нотами и текстом, был сделан оттиск и отправлен в цензуру».²⁰

¹⁸ «У Толстого 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого», кн. 2 — ЛН, Т. 90, с. 128.

¹⁹ Надо заметить, что песня не забыта и сегодня; о ее актуальности среди пацифистски и анархически настроенной молодежи свидетельствуют воспроизведения ее текста в блогах и на форумах. См., например: <http://st-kropotkin.livejournal.com/2540.html>

²⁰ А. Хирьяков. Три встречи. — «Современник», 1911, № 11. С. 354—355.

Печатание задержалось; в цензуре спохватились — клише было арестовано, а автор гимна на месяц посажен в крепость.

Хирьяков писал, изображая наивное возмущение: «Значит, мне нельзя призывать к миру и добру? Нельзя желать потушить факел злобы? Значит — раздувать их? Благодарю за урок.»²¹ . Может быть, именно тогда он начал пересматривать свои пацифистские убеждения. Позже он напишет апологетическую статью о террористке Зинаиде Коноплянниковой: «Среди множества самоотверженных людей, принесших свою жизнь и кровь ради торжества русской свободы, вспоминается мне сейчас удивительная по своей цельности и безграничной самоотверженности казненная двенадцать лет тому назад Зинаида Коноплянникова. Люди не рождаются революционерами. Жизнь делает их такими. Чуткие и отзывчивые они видят неправду жизни, и эта неправда вызывает их на борьбу».²²

Литературная репутация Хирьякова во многом основана на его близости к Толстому. Он известен и как его близкий знакомый, постоянный гость и партнер по шахматам, и как популяризатор его творчества и учения, как издатель сочинений Толстого, автор статей о нем. В 1903-м году по приглашению Черткова Хирьяков ездил в Лондон, куда вывез рукописи новых произведений писателя — «Фальшивый купон», «После бала», «Дьявол», «Отец Сергей». Среди многочисленных статей о Толстом («После юбилея» — Речь, 1908, 4 сент.; «Последняя встреча с Толстым» — «Время», 1910, 1 ноября; «Посмертные произведения Л. Н. Толстого» — «Нива» № 45, 1911; «Мои встречи с Л. Н. Толстым» — «Нов. слово», 1911, № 1 и др.) выделяются статья «Уход в мир» («Речь», 1910, 6 ноября), полемически направленная против тех, кто считал, что Толстой, уйдя из Ясной Поляны, удалился от мира, а также статья «Что нам дал Толстой» — «Солнце России», 1913, № 20 (171), в которой Хирьяков призывал читателей сообщить, как конкретно повлиял Толстой на их жизнь (получено ок. 200 отзывов). Он был автором книги «Жизнь Л. Н. Толстого» (Спб., 1911), где особое внимание уделил нравственным поискам писателя, эволюции его мировоззрения. В качестве редактора, ав-

²¹ А. М. Хирьяков. Как меня судили. — «Текущие дни», 1906, 6 ноября.

²² А. Хирьяков. «Зинаида Коноплянникова» в кн.: «Второе 1-ое марта». М., 1919. С. 65.

тора примечаний и вступительной статьи Хирьяков участвовал в подготовке издательством «Просвещение» Полного собрания сочинений Толстого (1912—1913). В 1925 году Хирьяков опубликовал в «Современных записках» (№ 26) неизвестный вариант повести Толстого «Казаки», указав в предисловии, что один из вариантов повести писался в стихах: сообщение о том, что существуют стихи Толстого, позже стало сенсацией в эмигрантской среде.²³

Хирьяков не называл себя толстовцем. В августе 1909-го он писал Горбунову-Посадову: «Мы, люди стоящие вне партий, мы даже не толстовцы...»²⁴. Возможно, он отчасти разделял скептически-ироническое отношение Лескова к последним: см. запись Л. И. Веселитской: Лесков и Хирьяков «начали рассказывать мне биографию известных им толстовцев... я увидела, что все это карикатуры.»²⁵ Ср. также позднейший сочувственный отзыв об убийце П. А. Войкова Б. С. Коверде: «...я не толстовец и никогда толстовцем не был» («За свободу!», 1927, 16 сентября). С другой стороны, трудно спорить с тем, что в 90-х и в начале 1900-х взгляды Толстого, его пацифистски-анархическая проповедь, Хирьяковым, безусловно, разделялись и, как мы видели, пропагандировались. Именно Толстой в наибольшей степени повлиял на Хирьякова, его литературно-критическую позицию и творческие искания — см., например, его программную статью «Наставники человечества» («Образование», 1898, № 3), где он подчеркивал педагогическое значение литературы, важность передачи чувства, умения зажигать огонь в человеке и т. д. Те же проговариваются и в популяризаторских «Очерках истории русской литературы» (М., 1913).

Думается, что до конца жизни Хирьяков оставался либералом-общественником с огромной тягой к искусству — и к религии. Причем, если поначалу религии для него сводятся в основном к этическому учению (см. его ранние неопубликованные работы: «Ошибки в библии» — РГАЛИ. Ф. 536, Оп. 1. Ед. хр. 9, «Параллели» (1889) — там же, № 11), то позже религиозные настроения, по-видимому, получают мистическую окраску: живя в эми-

²³ См. об этом: Диаспора, Вып. 1, Новые материалы, 2001, с. 558—560.

²⁴ Цит. по: ЛН, Т. 101, с. 431.

²⁵ Веселитская Л. И. Встречи с писателями: Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Всеволод Гаршин. М., 1929, с. 9—10.

грации в Варшаве, он посещает лекции по антропософии, сочувственно отзываясь о Н. К. Рерихе (см. его письма первой жене — РГАЛИ. Ф. 536. Ед. хр. 55).

Перелом в общественной позиции Хирьякова, еще больше отделивший его от толстовства, наступает, очевидно, с началом Первой мировой войны, когда бывший пацифист, в отличие от других толстовцев, участвовавших во главе с В. Ф. Булгаковым в антивоенной пропаганде, начинает печататься в патриотической газете «Оборона». Его умеренно антигерманская позиция (к шовинистской истерии он отнесся отрицательно) отразилась в сатирической пьесе «Бронированный Фауст. Пародия в 4-х действиях с прологом и эпилогом (Пг, 1914). Во время войны Хирьяков заведовал передовым транспортом Красного Креста, печатал корреспонденции с фронта в газете «День».

Февральскую революцию Хирьяков приветствует: см. его статьи в газете «Оборона»: «Петроград и Россия» — 16 марта; «За что мы боремся» — 19 марта («...мы боремся за свою свободу. Если победит Германия, если победит Вильгельм, тогда нашей свободе придет конец».); «Республика» — 23 марта; «Свобода, равенство и братство» — 13 апр; «Завоеванная свобода» — 4 мая; «Свободная Дума» — 11 мая и др.

После Октябрьского переворота Хирьяков сразу занял антибольшевистскую позицию; наряду с Мережковским, Гиппиус и Ф. Сологубом он участвовал в однодневной «Газете-протесте», вышедшей 26 ноября, (статья «Слуги дьявола»). После 1917-го в Москве работал в комиссии по обработке для издания рукописей Л. Н. Толстого в Румянцевском музее. В 1917—1922 гг. они с Евфросинией Дмитриевной жили в Крыму в колонии «Чаир» под Бахчисараем, откуда Хирьяков наезжал в Москву для лечения.

В 1920-м Хирьяков пишет письмо В. И. Ленину в защиту А. Л. Толстой, арестованной по делу Тактического центра²⁶. У этого эпизода была предыстория: Хирьякова и Александру Львовну Толстую некоторое время связывала взаимная любовь. Вот что писала она ему в 1912: «Надо ли нам писать другу другу такие письма, которые мы могли бы всем показывать, видеться

²⁶ Письмо опубликовано в кн.: ЛН, Т. 101, с. 432.

так, чтобы все могли при этом присутствовать?²⁷. После смерти отца я никого не любила сильнее Вас. То, что называется влюбленностью прошло, но основа — душевная близость, понимание друг друга не могли исчезнуть²⁸. Но Хирьяков был женат, и Александра Львовна решила не давать воли чувствам. В 1914, находясь в Европе, она записывает в дневнике: «От Х. 4 письма — 2 деловых, а 2 таких, которые перевернули мне сердце. Ждет, любит... Я как зуб выдернуть решила сразу. Села и написала... Все конечно»²⁹ В 1920-ом участники Тактического центра собирались на ее квартире, она подавала им чай, за что, не будучи участницей заговора, и была арестована. Об обстоятельствах этого ареста Хирьяковым была написана шуточная пьеса «Страшный заговор, или Торжество советской власти» (в пьесе были такие строки: «Смиряйте свой гражданский жар // В стране, где смелую девицу // Сажают в тесную темницу // За то, что ставит самовар»³⁰).

В связи с закрытием издательства «Задруга», готовившего собрание сочинений Толстого, в 1922-м году Хирьяков был арестован — и бежал, выпрыгнув из окна Лубянской тюрьмы. В 1923-м жил в калмыцкой степи, где работал над биографией «нового человека» — им стал для Хирьякова калмыцкий писатель и революционный деятель Антон Амур-Санан. Книга представляет собой биографию героя, рассказанную им самим; рассказ предвещает предисловие Хирьякова, где он говорит о важности становления личности у представителя малого народа, об освобождении от идей и понятий, внушенных родовым строем. Здесь Хирьяков попадает отчасти в революционную струю, однако опорой ему служат все те же гуманистические идеи, которые он усвоил на рубеже веков. «Человек, которого зовут Антоном. (Жизнь калмыка)» (М., 1924) — последняя книга Хирьякова, вышедшая на

²⁷ РГАЛИ. Ф. 536, Оп. 2. Ед. хр. 9. Л. 17. Письмо от 16 августа.

²⁸ Там же. Л. 18.

²⁹ А. Л. Толстая. «Засни, беспокойное сердце», дневник 1914. Публикация и комментарии Н. А. Камениной и С. Д. Новиковой. — Толстовский ежегодник, М., 2003. С. 38.

³⁰ См. публикацию: Христофоров В. «Наперекор советской власти я свой поставлю самовар». Судьба секретаря издательства «Задруга» Зинаиды Павловой. — «Звезда», 2009, № 11. Рукопись пьесы Хирьякова «Страшный заговор, или Торжество советской власти» была изъята у Зинаиды Павловой при аресте в 1923-м году.

Родине. В 1923-м, он, выехав на Дальний Восток корреспондентом газет «Рабочая газета» и «Торговый флот», решил не возвращаться в Советскую Россию. В 1924-м в Харбине он женится на Евгении Семеновне Вебер; здесь же читает лекции в народном университете. Летом 1924-го через Шанхай и вокруг Индии Хирьяков перебрался в Европу. Сначала обосновался в Париже, где работал в книжном магазине, пытался издавать собственный журнал «Русский беженец» и принимал участие, среди прочего, в работе по изданию рукописей Л. Н. Толстого (вместе с С. П. Мельгуновым и Т. Полнером подготовил к печати его «Неизданные рассказы и пьесы» — Париж, 1926). В 1927-м поселился в Варшаве. После смерти М. Л. Арцыбашева был привлечен к сотрудничеству в газете «За свободу!»; редактор газеты, Д. В. Философов, рассчитывал на его помощь в редактировании, однако он проявил себя как «литератор, но не журналист»³¹

Хирьяков становится членом «Литературного содружества» (1929—1935) и Союза русских писателей и журналистов в Польше — последний он возглавлял — судя по сохранившимся документам, в 1935—1939гг.

С лета 1930-го до 7 декабря 1933-го Хирьяков был членом правления и заместителем председателя Русского Общественного комитета. Вместе с Вебер-Хирьяковой они состояли в группе «Меч» (1934—1939).

В 1934 году за рассказ «Медведь» он получил первую премию на конкурсе Союза русских писателей и журналистов в Югославии.

Стихи этого периода носят публицистический характер: для них характерна патриотическая риторика; одно из них («Россия! Родина!») он поместил в «Антологии русской поэзии в Польше» (Варшава, 1937). В 1940 он передал свои рукописи в советское посольство Варшаве (данные из архива Л. Гомолицкого — информация Петра Мищнера).

В газете «За свободу!» он публикует прозу (рассказы, фрагменты повести «Гражданин Яша» и др.). Выступает он и как публицист: в статьях его позиция выражена достаточно ясно: с большевиками и большевизмом надо бороться. Первая публикация

³¹ С. Л. Войцеховский. «Эпизоды», Лондон (Канада), 1978, с. 16.

Хирьякова в газете «За свободу!» (рецензия на на 32-ой номер «Современных записок») содержит такое недвусмысленное заявление: «Как бы мне ни хотелось быть вместе с Толстым, я не могу отрицать насилия, когда существуют убийцы и отравители русского народа — большевики. Отсюда мое сочувственное отношение к Коверде, хотя бы его выстрел был тактической ошибкой, каковой его считает М. Вишняк.»³² Речь здесь идет об убийстве советского полпреда в Польше П. Л. Войкова Б. С. Ковердой. А вот что он писал в статье «Итоги жизни»: «Перед нами великое дело — освобождение нашей родины от шайки насильников, духовно отравляющих наш народ.»³³

Оставаясь страстным и красноречивым полемистом, неприимимый в своем антибольшевистском пафосе, он иногда, что называется, попадает пальцем в небо. Н. А. Богомолов в работе, посвященной газете «За свободу!», обращает внимание на статью Хирьякова «Заговор масонов» (так!), где он возмущается фельетоном братьев Тур (Л. Д. Тубельский и П. Л. Рыжей), утверждавших, что в СССР действуют масонские организации; по мнению Хирьякова, это «невероятная галиматья»³⁴.

Эмигрантский период жизни Хирьякова был отражен в советской литературе: «Теперь Хирьяков далек не только от нас, но от всего сколько-нибудь мало-мальски либерального. Он забыл самого себя, предал посмеянию за чечевичную похлебку свои собственные маленькие радикальные страстишки и идеалы бунтующего мирного анархиста и теперь подвизается на подмостках самой отвратительно черной реакционной белогвардейской прессы Западной Европы, в стихах и прозе обливая помоями Советскую Россию, СССР, строящий социализм, развернувший знамя коммунизма не только над шестой частью света, но и над всем миром через III Интернационал, мощной секцией которого он является».³⁵

³² «За свободу!», 1927, 16 сентября.

³³ «За свободу!», 1930, 9 ноября.

³⁴ См.: Богомолов Н. А. Из истории варшавской газеты «За свободу!» // Богомолов Н. А. От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. — М., 2004. С. 246—248.

³⁵ Бонч-Бруевич В. Д. Большевистские издательские дела в 1905—1907 годах. — Л., 1931. С. 44

Хирьяков умер 16 августа 1940 года. Последний документ, подписанный его именем, — письмо сыну Черткова, В. В. Черткову, в котором он сообщает о смерти жены, по каким-то причинам не называя ее самоубийством: «Жена не спала не сколько ночей и чтобы заснуть приняла снотворное, но слишком большую дозу и умерла. Я остался с моей дочкой Еленой (13 лет)»³⁶. Там же он сообщает о своей болезни вследствие травмы головы.

Важным документом является упоминавшаяся выше переписка Хирьякова с первой женой (РГАЛИ. Ф. 536. Оп. 1. Ед. хр. 55), которая осталась в России, тяжело болела и бедствовала. Переписка начинается еще до революции и продолжается в эмигрантские годы — вплоть до смерти Е. Д. Хирьяковой в 1938 году. В «эмигрантских» письмах Хирьяков рассказывает ей о перепетиях жизни во Франции и Польше; просит навести справки и прислать книги: его, в частности, интересуют исследования о стихах Брюсова, Белого и С. Боброва (письмо от 9 декабря 1924 года, л. 59), в письмах же из Польши он настоятельно просит раздобыть сведения о «Божьем деле» — организации религиозно-мистического характера, действовавшей в 19 веке и связанной с именем Анджея Товьяньского. Из актуального — он сообщает об ужасающем, «почти средневековом» германском антисемитизме (письмо от 19 января 1934-го года. Л. 45 об.). В этих же письмах — его рассуждения о литературе, планы на будущее: «Сейчас работаю над биографией Франциска Ассизского». (письмо от 5 апреля 1938-го года. Л. 188).

Наибольшую ценность представляют опубликованные в газете «За свободу!» обширные воспоминания Хирьякова. Хотя большая часть их совпадает с эпохой расцвета русского модернизма, мы этого в воспоминаниях нашего героя почти не увидим; исключение — печатаемый ниже мемуарный фрагмент. Он живет в другой стихии — ему важнее рассказать о своих арестах, о газетной борьбе. Хотя стихами он интересовался всю жизнь (и всю жизнь писал их), у него, как кажется, сохранилось идущее еще из эпохи 60-х представление о любителе поэзии как о старомодном чудаке. Вот что он пишет в рецензии на XXXI-ую книгу «Современных записок»: «По старой, еще юношеской привычке, открывая новую книжку журнала, прежде всего ищу стихи. Мо-

³⁶ РГАЛИ. Ф. 552. Оп. 6. Ед. хр. 19 Л. 1.

жет быть, это не пристало делать человеку в солидном возрасте. Может быть, надо начинать с серьезных статей, потом переходить к беллетристике и потом уже обратить мимолетное внимание на стихи. Вещь третьестепенная. Недаром же в прежние времена в журналах было принято печатать стихи на затычку, чтобы не оставалось пустых страниц. Но я не могу отделаться от старой привычки, всякий раз, приступая к стихам, жду радости, жду чуда. Ведь хорошие стихи — это, конечно, из области чудесного. В самом деле: живет человек день за днем, работает, служит, продает, покупает, торгуется... и вдруг стихи. Совершенно особенное построение речи, мелодия, рифмы и в то же время так просто, так естественно, что кажется, иначе и сказать нельзя. Ну как же не чудо? Ну как же не радость?...»³⁷

Несколько замечаний по поводу печатаемого ниже мемуарного фрагмента. К Мережковским Хирьяков относился с теплотой. Характерно, что в 1890-е они для него, очевидно, не декаденты, а чуть ли не продолжатели традиций Толстого. О декадентах же он тогда писал: «Туман, неясность и какая-то таинственность декадентства может при известной доле таланта привлекать к себе читателей и отвлекать их от искания правды, которая проста и не нуждается в тайне»³⁸. В сочувственном отношении к Мережковским, видимо, сыграла роль относительная смысловая прозрачность их прозы и стихов — ср. пренебрежительное замечание о стихах Вл. Гиппиуса. Вот позднейший отзыв на стихотворение Гиппиус: «Первое стихотворение З. Гиппиус «Лягушка». В сжатой, очень простой и строгой форме большое и важное содержание. (...) Только поэт в минуту вдохновения подходит близко к истинному пути, к пониманию, что истину, быть может, возможно найти именно у ничтожных.»³⁹

Гиппиус отнеслась к этой похвале снисходительно; в письме Г. Адамовичу она пишет: «Одна [вырезка — Ю. Р.] для вас, в виде некоего доказательства, что поэзия «дает радость» — хотя бы понимаемая так, как Хирьяков мою лягушку понял»⁴⁰.

³⁷ «За свободу!», 1927, 4 июня. (Там же — благожелательные отзывы о стихах Гиппиус и Г. Иванова).

³⁸ «Образование», 1898, № 3. С. 124.

³⁹ «За свободу!», 1927, 4 июня.

⁴⁰ Pachmuss Temira. *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus / Из переписки Зинаиды Гиппиус*. München, [1972]. С. 345—346.

Кроме того, в мемуарах, естественно, чувствуется ретроспективный взгляд: Хирьяков знает, что «богоборчество» и индивидуализм 90-х для Мережковских были ступенью к обновленному христианству. Для него так же важно было, что основная их тема — религиозная⁴¹. Объединяла их и политическая позиция: энтузиазм по поводу Февральской революции, резкое осуждение Октябрьского переворота. Возможно, им были восприняты идеи «религиозной общественности», которые активно проповедовали Мережковские во второй половине 1900-х и в 1910-е. Как ни странно, их в какой-то степени сближало и отношение к литературному творчеству: оно для них не мыслилось без идеологии, без разделения на форму и содержание. Неслучайно язвительный В. Ходасевич, писал в 1933-ем году, что собственно эстетические воззрения Гиппиус как прозаика были сформированы в эпоху, предшествовавшую символизму и что прозе она училась у авторов «Русского богатства»⁴².

Очевидно, творчеством и историософскими идеями Мережковского были вдохновлены «исторические» рассказы Хирьякова, вошедшие в его книгу «Великая борьба» (М., 1920), где он, в частности, выступает в защиту древнего язычества, которое непосредственно предвосхищает христианство (описание статуй древних богов заставляет вспомнить романы Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Антихрист. Петр и Алексей»). Не исключено, что замысел биографии Франциска Ассизского был навеян произведениями Мережковского — поэмой «Легенда о Франциске Ассизском» (1891) и эссе «Франциск Ассизский» (1938).

В прилагаемом мемуарном отрывке речь идет не об одном вечере, а о целом периоде, когда Хирьяков, по-видимому, часто бывал у Мережковских; упоминается работа Мережковского над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник» (впервые роман был опубликован под названием «Отверженный» в журнале «Север-

⁴¹ Ср. в рецензии на книгу Мережковского «Тайна Запада. Атлантида-Европа»: «Убыль божественного — вот основная болезнь современного человечества. Об этой болезни кричит Мережковский» (А. Хирьяков Между историей и легендой. Атлантида. — «За свободу!», 1930, 13 февраля).

⁴² Ходасевич В. Книги и люди. О форме и содержании. Возрождение, 1933, 15 июня.

ный вестник» в 1895-ом году, №№ 1—6⁴³; он стал первой частью трилогии «Христос и Антихрист»); также говорится о только что написанной повести Л. Н. Толстого «Хозяин и работник». Это позволяет более или менее точно сказать, что дело происходит в 1894 году.

А. М. Хирьяков.

Отрывки из Воспоминаний. Мережковские⁴⁴

Бедная человеческая память! Как бессильна она перед скребком всеуничтожающего времени. Все стирает, все выглаживает этот беспощадный могильщик.

Но есть в человеке что-то такое, над чем бессильно и время. Это наше отношение к тому, что было.

Мне сейчас было бы трудно восстановить в памяти всю обстановку и все лица людей, окружавших Мережковских, и даже их самих в те первые годы моего знакомства с ними. Но я очень хорошо помню мое впечатление, мое отношение к их дому.

Я боюсь, что меня могут заподозрить в преувеличении, но было у них что-то жреческое. Жрец и жрица неведомого бога. Милые, простые, радушные хозяева. Но это внешнее. Там где-то, не то в шкафу, не то за занавеской, спрятаны жреческие ризы. Настанет условленный, или даже, быть может, внезапный час и начнется служение. Жреческое служение неведомому Богу. Странная пара.

Астрономы знают так называемые двойные звезды. На самом деле они отстоят друг от дружки на Бог весть сколько миллионов верст, но с земли они кажутся стоящими рядом. Каждая из этих звезд на самом деле имеет свое самостоятельное планетное окружение, свою самостоятельную жизнь, но нам с земли кажется, что это звездное сочетание едино, неразделимо, и мы называем

⁴³ Подробно о периоде написания романа см.: Соболев А. Л. Д. С. Мережковский в работе над романом «Смерть богов. Юлиан Отступник. // Д. С. Мережковский: Мысль и слово. — М., 1999. С. 31 — 51.

⁴⁴ Первая публикация: газета «За свободу!», 1929, 26 ноября, № 315 (2948). С. 3 — 4.

его двойными звездами. Такое впечатление двойных звезд, единого и различного производили тогда на меня Мережковские.

Из людей, собиравшихся у них, прежде всего назову поэта-адвоката Сергея Аркадьевича Андреевского⁴⁵. Высокий, тонкий, с ласкающим мягким голосом и мягкими манерами, он производил подкупающее впечатление. Казалось, что душа римского Петрония, после долгих скитаний, избрала его тело своим жилищем. Но была в нем и некоторая вычурность, намеренная красивость. Он писал в то время свою «Книгу о смерти» и иногда угощал внимательных слушателей мастерским чтением отрывков из этой книги. Под пару ему был другой адвокат, совершенно на него непохожий влюбленный в Бодлера или Верлена, князь Урусов⁴⁶. От них же неотделим был и эстет, лысый и толстый Михаил Альбертович Кавос⁴⁷. Бывал там и известный поэт Николай Максимович Минский⁴⁸ и писательница, переводчица Зинаида Афанасьевна Венгерова⁴⁹, стремившаяся улавливать всякие самые последние литературные изломы и зигзаги. Сейчас эта пара барахтается в большевицком болоте⁵⁰.

То была эпоха первых шагов так называемого декадентства. Представители этого течения не могли, конечно, миновать гости-

⁴⁵ Андреевский Сергей Аркадьевич (1848—1918) — поэт, литературный критик, юрист. С 1890-х входил в круг общения Мережковских. Мемуары «Книга о смерти. Мысли о смерти» (т. 1—2. Ревель, Берлин) вышли только в 1922 году.

⁴⁶ Урусов Александр Иванович (1843—1900) — князь, адвокат, критик, переводчик. См. о нем, например: Сапожков С. В. Князь Александр Иванович Урусов — человек эпохи предмодернизма. — «Вопросы литературы», 2008, № 5.

⁴⁷ Кавос Михаил Альбертович (1842—1898) — литератор; член русского литературного общества. Был другом В. С. Соловьева. Сын архитектора А. К. Кавоса.

⁴⁸ Минский Николай Максимович (1855—1937) — поэт, входил в кружок модернистов, сформировавшийся вокруг журнала «Северный вестник».

⁴⁹ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) — литературный критик, историк литературы, переводчик. В 1925-м вышла замуж за Н. М. Минского; после его смерти уехала в США.

⁵⁰ Н. М. Минский в 1905-ом году опубликовал в большевистской газете «Новая жизнь» «Гимн рабочих» («Пролетарии всех стран соединяйтесь!»). В начале 20-х гг. жил в Берлине, затем переехал в Лондон, где одно время служил в советском полпредстве. З. А. Венгерова с начала 20-х гг. жила в Берлине, сохранив советское подданство.

ной Мережковских. Помню, как с большим подъемом один из декадентов, — кажется, Гиппиус⁵¹ — двоюродный брат Зинаиды Николаевны Мережковской — Гиппиус, — читал свое очень туманное и вычурное стихотворение, которое начиналось:

«Не стая взметнулась над желтым домом»...

И дальше следовали какие-то совсем неудобовразумительные слова.

-- Я все понимаю, — сказала с вдумчивым видом Венгерова, — мне только не совсем ясна первая строфа: почему «взметнулась над желтым домом?..»

Так как в просторечии желтым домом называли дом сумасшедших, то все слушатели вдруг почувствовали веселое настроение.

Соблазненные декадентскими стихами Андреевский и, кажется, Кавос решили совместно написать такое стихотворение, чтобы передекадентить самих декадентов.

Приведу это стихотворение с авторскими пояснениями, так как без них оно не произведет надлежащего впечатления.

Когда я был молод,
Ужасный был холод
И входит монах.
Не ваш ли сей кролик?
Спросил он меня.
Я сел с ним за столик
И выпил вина.

Стихотворение как будто совершенно бессмысленное. Но вникнем в него, разберемся.

Когда я был молод,
Ужасный был холод.

Еще ничего неизвестно, но уже перед умственным взором читателя рисуется туманный зимний пейзаж.

Ужасный был холод...

⁵¹ Гиппиус Владимир (Вольдемар) Васильевич (1876—1941) — поэт, критик, педагог (впоследствии преподаватель словесности в Тенишевском училище; у него учились, в частности, О. Э. Мандельштам и В. В. Набоков), троюродный брат З. Н. Гиппиус.

И вдруг смелый, безумно смелый переход от давно прошедшего времени к настоящему:

И входит монах.

На белом фоне туманного зимнего пейзажа резко обрисовывается черная фигура монаха.

Не ваш ли сей кролик?..

Обратное явление: на черном фоне монашеской рясы обрисовывается белая фигура кролика.

Но не все ли равно, чей кролик? Добрый монах нашел в снегу замерзавшего кролика и спас и отогрел его. Надо отогреть и монаха.

Я сел с ним за столик.
И выпил вина.

Это, якобы, декадентское стихотворение пользовалось в то время большим успехом. Но оно не являлось характерным для кружка Мережковских. Юмор не был там обычным гостем. Основным стержнем, объединявшим собиравшихся у Мережковских людей, была любовь к литературе, вернее не к литературе, а к искусству. Можно было бы сказать: к отражению неземного в земных формах.

«Поэзия есть Бог в святых мечтах земли».

Эта любовь к святым мечтам земли, хотя бы даже в самых неожиданных формах, была наиболее обычным настроением людей, собиравшихся в уютной гостиной Мережковских, в пятом этаже огромного дома Мурузи на Литейном проспекте.

Хоть я влез в шестой этаж,
Но любовь моя все та ж.

Так вписал маститый поэт-переводчик Петр Исаевич Вейнберг⁵² в альбом, поднесенный им Зинаиде Николаевне.

⁵² Вейнберг Петр Исаевич (1831--1908) — поэт, переводчик, историк литературы. З. Н. Гиппиус писала о нем в очерке «Багоухание седин», включенном в мемуарную книгу «Живые лица» (1925), там же приведен экспромт.

Любовь к литературе, к поэзии, к искусству... Очень оплошены эти слова и слишком часто говорят о них люди, решительно никакой истинной любви не чувствующие ни к литературе, ни к поэзии, ни к искусству.

Что в кружке Мережковских чувствовалась настоящая любовь видно, хотя бы из такой маленькой черточки:

Однажды кому-то пришло в голову прочесть вслух «Моцарта и Сальери» Пушкина. Моцарта читал Андреевский, а Сальери — Кавос. Чтецы прекрасные и прочли превосходно это замечательное произведение. Когда чтение кончилось и наступила та хорошая тишина, в которой чувствуется отголосок воспринятого сердцем прекрасного, вдруг раздался недовольный голос Зинаиды Николаевны:

-- Мне жалко Андреевского, зачем Кавос его отравил. Пусть они переменяются ролями, чтобы Андреевский отравил Кавоса.

Никто не возразил. Никто не сказал, что можно прочесть что-нибудь другое, и все с новым наслаждением прослушали бессмертную пьесу⁵³.

Понятно, что в такой компании и талантливые хозяева могли читать свои произведения, еще не появившиеся в печати. Помню чтение Мережковским его «Юлиана» (первая часть его знаменитой «Трилогии»). Меня тогда поразило необыкновенное обилие бытовых подробностей, свидетельствующих об огромной предварительной работе автора, изучившего все доступные источники, освещающие изображаемую эпоху.

Не случайно выбрал Мережковский Юлиана Отступника. То был период богоборчества для автора. И период защиты старых богов, искусства и красоты для его героя. Из глубины катакомб вышли новые варвары, грозившие, во имя своего распятого Бога, смести с лица земли прекрасных старых богов и всю сложную старую культуру.

⁵³ Ср.: «Вот они читают у нас «Моцарт и Сальери». Андреевский, конечно, Моцарт, Урусов — Сальери. Изумительное чтение, ни с каким сценическим несравнимое. Кончили — и кому-то пришло в голову: а если повторить — наоборот? Урусов Моцарт, Андреевский Сальери?»

Чуть ли не сам Андреевский это и выдумал» (Гишпиус З. Н. Все непонятно. (О Сергее Аркадьевиче Андреевском) // Гишпиус З. Н. Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926—1930 гг.) / Сост., вступ. статья, комментарии А. Н. Николоюкина. СПб., 2002. С. 122.

И в авторе пробуждался древний жрец, выступавший на защиту старых богов.

Мы для новой красоты
Нарушаем все законы
Преступаем все черты.
Мы — соблазн неуголенных,
Мы посмешище людей
Искра в пепле оскорбленных
И потухших алтарей...⁵⁴

И у З. Н. Гиппиус это был тоже период богоборчества и искания своих путей к познанию истинного образа Божия. Это было время написания знаменитого стихотворения

«Небеса унылы и низки,
Но я верю, что дух наш высок.
Мы с тобою так странно близки
И каждый из нас одинок.
Беспощадна моя дорога,
Она меня к смерти влечет...
Но люблю я себя, как Бога;
Любовь мою душу спасет»⁵⁵

Это «люблю я себя как Бога» было бомбой, разорвавшейся среди умеренных и аккуратных любителей поэзии.

— Как так: «люблю себя как Бога?»

— Что это: самообожание, или кощунство?

— Приравнивание себя к Богу!.. Только декаденты на это способны...

— Да это совсем не декадентство, — пробовали возражать защитники стихотворения. Люблю, как Бога, означает: люблю в себе божественное начало...

— Так так бы и сказала: что, мол, люблю в себе божественное начало. А то «как Бога»! Богиня какая выскочила.

Богиня не богиня, но нечто от сказочной феи в ней было.

Помню еще одно чтение у Мережковских.

⁵⁴ Хирьяков цитирует стихотворение Мережковского «Дети ночи» (1894).

⁵⁵ Хирьяков цитирует известное стихотворение Гиппиус 1894-го года «Посвящение».

Я получил от Толстого только что написанный им рассказ «Хозяин и работник», и Зинаида Николаевна хотела скорее познакомиться с ним своих друзей и просила меня привезти его. Рассказ был отдан мною в переписку и потому я не мог тотчас же исполнить ее желание. Я не помню в точности моего письма к ней, помню лишь начало его и конец:

Фея из амбры и лунного света...

.....
Поразметелись листы драгоценные,
Чтоб их собрать нужно время не малое...
Завтра их вам принесу непременно я,
Только погаснут огни в небе алые.

.....
И извините мне стих бедный мой,
Если найдется изъянец,
Что тут поделать? Поэт я плохой...
Вегетарьянец.

Вегетарьянцем я сделался у Чертковых в Воронежской губернии и пытался оставаться им и в Петербурге. Но в городской суете трудно было разбираться в пище, приходилось есть, что придется. Кроме того, была и другая причина, отклонившая меня от вегетарьянства.

Основная причина, побуждающая быть вегетарьянцем, — причина нравственная. Благодаря этому, вегетарьянство сообщает своему последователю некоторый нравственный ореол, поднимающий его над другими людьми. Сознывая, что в нравственном отношении я ничуть не выше людей, я чувствовал в своем вегетарьянстве как бы некоторую фальшь. Это чувство, в связи с практическими неудобствами, заставило меня отказаться от вегетарьянства, как неперемennого условия моего питания. И вот однажды, завтракая у Мережковских, я положил себе на тарелку два или три тонких ломтика ветчины и стал есть.

— Как, ветчину!?! — вскрикнула Зинаида Николаевна.

— Это не ветчина, — хладнокровно ответил я. — Это лепестки розы.

«Хозяин и работник» в чтении Мережковского был прослушан с величайшим вниманием. Я не помню сейчас тех разговоров, которые велись по поводу прочитанного, запомнилась только одна оценка:

— Толстой... Хороший он работник у своего Хозяина.

— Как бы мне хотелось повидать Толстого, говорил Мережковский. Но не беседовать с ним, а быть невидимкой. Только посмотреть...⁵⁶

Помню еще вечер на даче у Мережковских около Ораньенбаума. Мы вышли с Мережковским на берег моря. Прибой был чуть слышен. Море что-то шептало. Мережковский в то время работал над второй частью трилогии и говорил о замечательной эпохе Возрождения. Между прочим о каком-то монахе, всецело отдавшемся отыскиванию, изучению и переводам древних классиков. Когда монаха спрашивали о причине такого увлечения, он отвечал.

— Я хочу разбудить мертвых⁵⁷.

Мережковский сам весь в исканиях, весь ушел в глубины истории и работой своей, как истинный художник, он тоже хочет разбудить мертвых. Заставить говорить тысячелетние могилы, или разбудить мертвецов, живущих среди нас?

⁵⁶ Мережковские посетили Толстого в Ясной Поляне весной 1904-го года по его приглашению. Об этом визите см. в очерке Гиппиус «Благоухание седин» («Живые лица»), а также в мемуарной книге «Дмитрий Мережковский».

⁵⁷ Ср.: один из героев романа «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (второй части трилогии «Христос и Антихрист») мессер Луиджи Сакробоско, собиратель древностей, отец «ведьмы» Кассандры, когда его спрашивают о цели его скитаний, отвечает: «Чтобы воскресить мертвых!».